

Сергей ТРИЩЕНКО

Секретная ИНФОРМАЦИЯ

@ЭЛИТА

12+

Сергей Трищенко

Секретная информация (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7388482

Трищенко С. Секретная информация. Сборник фантастических рассказов: ЭИ «@элита»; Екатеринбург; 2013

Аннотация

Хочешь что-нибудь спрятать – положи на видное место. И пусть враги ломают голову, где скрыта секретная информация! А вот если бы они не забывали о том, что было в прошлом, не гнались за суперсовременными кибернетическими новинками – может, и догадались бы...

В этот сборник фантастики Сергея Трищенко вошли 16 рассказов и повесть – «Сознательный выбор». Рассказы продолжают сюжетные линии рассказов сборника – «Таблетки от пуль», то есть рассказывают о чём угодно.

Какой-либо тематической направленности не наблюдается, и это – сознательный выбор автора. Рассказы немного парадоксальны, немного ироничны, немного реалистичны, немного... фантастичны.

Всё это – вокруг нас. Или когда-то было. Или, может быть, будет. Хотя иногда лучше, чтобы не было.

Содержание

Секретная информация	4
Две Красные Шапочки	7
Гурманы	9
Когда всё заканчивается не так...	12
Компьютерная игра	15
...нас не оставят...	18
Никого, кроме людей	21
Нищенство – основа благополучия	25
Теперь ты знаешь всё	29
Тут ничего нет	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Трищенко

Секретная информация (сборник)

Секретная информация

– Он спит. Можем разговаривать абсолютно спокойно
– Ты уверен, что он не сможет запомнить наши разговоры?
– Гипнопедия? Исключено: снотворное, которое ему дали, полностью отключает память. Можно работать, не беспокоясь.

Двое принялись за дело, продолжая переговариваться:

– Кстати, не может ли случиться, что всю секретную информацию он просто запомнил?
– Маловероятно. Это, конечно, не наше дело, но я случайно узнал, что им уже занимались гипнологи. Кроме того: его ментоскопировали на трёх уровнях. Теперь мы знаем, как звали его прабабушку и кличку её любимой кошки. Если тебе интересно, её звали Дэззи.

– Зачем мне кошки? Я лучше поинтересуюсь химическим составом его волос.

– А это для чего?

– Да, ты не специалист. Информацию он мог получать медленно, и она послойно накапливалась в волосах. Ты, может быть, знаешь, что волос – то единственное, что растёт от корня.

– А растения?

– Они растут от верхушки.

– Да? А мне волосы представляются чём-то вроде магнитной проволоки, а их луковицы – словно записывающие головки магнитофона.

– Ну да, ты же технарь. И помнишь даже такие вещи?

– Я всегда интересовался историей техники.

– Здесь тебе это вряд ли поможет. Шеф сказал, что информация у курьера закодирована по новейшему принципу. У нас таких устройств пока нет.

– У нас много чего нет...

– Ладно, помолчи. Занимайся делом.

Несколько минут в комнате царила тишина, во время которой двое состригали у спящего волосы, подрезали ногти и вели просвечивание установленными вокруг кровати приборами: послойным магнитогидродинамическим сканером, лазерным многочастотным поляризатором и прецизионным денситометром.

– Рентген делать не будем?

– Шути-шути. Рентген ему уже сделали. И УЗИ – тоже.

– Беременности не обнаружено?

– Латентная.

– Вот видишь, и ты начал шутить.

– С кем поведёшься... А что у тебя?

– Обработал кожу проявителем – на предмет тайной татуировки или секретных записей.

– И?

– Даже «и» не нашёл.

– погоди! А повышенное содержание селена в волосах? Он ими скоро видеть сможет – селена, как в глазном яблоке.

– Думаешь, писали оптическими чернилами? Нет, это, скорее, из-за шампуня. Вон в багаже целый флакон.

– Действительно... Согласно кривой насыщения волос шампунем... то есть селеном... Да, всё сходится. Значит, отмечаем и эту гипотезу.

– Скоро ни одной не останется. Слушай, а может, информации вообще нет? Деза?

– Какое там! Шеф землю роет. Источник супернадёжный.

– Ещё раз перетряхнём багаж? На нём самом неисследованного места не осталось.

– А в нём?

– И в нём...

– Руки вымой.

Багаж рассматривали со скукой: всё было пересмотрено десятки раз.

– Электронику бы конфисковать! Смотрю – слюнки текут.

– Не перемкни контакты! Мобильник смотрел?

– Первым делом. С мобильником возились больше всего. Он у него сверхнавороченный. Там и видео, и аудио, и Интернет, и органайзер, и детектор валюты и всё остальное... Не мобильник, а нечто вроде переносного компьютера. Хотя и ноутбук у него есть, и КПК, и планшетник.

– Вот видишь, это неспроста! Что-то наверняка является отвлекающим фактором

– Отвлекающим фактором является в первую очередь партия наркотиков. Но шеф приказал её не трогать. Сделать вид, что не заметили.

– А где он её спрятал?

– Вместо батареи в ноуте.

– Знаешь, у меня мелькнула мысль: в адресной книге мобильного могут быть записаны не номера телефонов, а группы шифра.

– Проверено. Такие люди действительно существуют. И телефоны сходятся. Но мысль перспективная. Подброшу криптографам.

– А игры смотрели?

– Ага. Я скачал все новинки. Так что если информация там, я её всё равно когда-нибудь найду. А пока поиграем.

– Но пока нет?

– Пока нет.

– А в ноутбуке, КПК?

– Масса ненужной информации. Вот тут точно деза. Раскодировали со всем тщанием. Обнаружили несколько новых шифров, программу автосмены кодов в процессе расшифровки – она кардинально меняет смысл первоначальной информации. Но ничего принципиально нового. Даже пару вирусов, случайно затесавшихся – или злонамеренно подсаженных – в массивы баз криптоданных, разобрали по косточкам. Каждый байт исследовали побитно. И – ничего!

– Мда... Где же скрыта информация? А что говорит дед?

– Наш ветеран? Кремень старик! Говорит, с его стороны всё чисто.

– Может, он уже не помнит ничего?

– Ты что! Он как-то вёл у нас семинар, делился воспоминаниями. Рассказывал, как изготовить чемодан с двойным дном, сделать параллельную шнуровку на кроссовках. А уж по заделыванию разведанных в швы он просто ас! Однажды спрятал в швах портрет главы одного из диктаторских режимов... не буду говорить, какой страны. В полный рост и на лошади. Представляешь?

– Обалдеть. А это что за пачка листиков?

– Туалетная бумага.

– А что это такое?

– Ты что, не знаешь, что такое туалетная бумага?

– У меня унитаз с автоматическим биде. С поролоновыми ёршиками...

– Видишь, на ней выдавлены разные закорючки. Специально сделано для повышения эффективности... процесса.

– Хорошо хоть неиспользованная.

– Ну и шуточки у тебя!

– А почему не в рулончике?

– Ты смотри, вспомнил! Да, была и такая. Но в наш сумасшедший век, когда дорога каждая минута, рулончиков почти не выпускают, разве что для любителей старины. Так намного экономней: и меньше места занимает, и времени на пользование.

– А почему закорючки неодинаковые? Проще было бы выдавливать какую-нибудь сеточку... или ёлочку.

– Да ты совсем отстал от жизни! Регулярно повторяющееся изображение давно запрещено! Зрительное загрязнение – по-моему, так называется. Плохо действует на мозжечок. Из-за этого и хайтеки рушили и переделывали. Ты что, забыл?

– Я тогда был совсем маленький. Не помню.

– Брось. У меня дома почти такая же, но другого оттенка, под цвет унитаза.

– А у него в памяти есть что-нибудь об этих листках?

– То же, что и в твоей: туалетная бумага.

– А-а. Тогда ладно.

– Костюм разобрали?

– По ниточкам. И не только костюм, но и рубашку, и нижнее бельё.

– И что?

– Нигде ничего: в переплетении нитей не содержится иной закономерности, помимо заданной на ткацкой фабрике; ткань не содержит магнитных и слаборадиоактивных включений, а краска не флуоресцирует под действием любого вида излучений.

– Мда... Где же скрыта информация?

– Новейшая технология. Надо бы спросить наших головастых: на каких принципах она может быть основана? Чтобы хоть примерно знать, что искать?

– погоди, погоди! У меня только что мелькнула мысль: а что, если информация закодирована в папиллярных линиях? И не только на руках, но и на ногах?

– Гм... Слушай, в этом что-то есть. Но нужно узнать, какие отпечатки у него были? Чтобы было с чем сравнивать.

– Ты прав: сравнивать не с чем. Ни по одной нашей базе данных он не проходит.

– Что?!! Не может быть! На Земле не осталось ни одного человека, отпечатков пальцев которого не снимали бы! Точно!!! Ему изменили рисунок папиллярных линий! Информация – в них! Копируй – и побежали докладывать шефу!

Они умчались, оставив в чемодане толстую пачку белых бумажных листов, на которых шариковой ручкой была записана секретная информация...

Две Красные Шапочки

В вестибюле Комиссии по распределению встретились Две Красные Шапочки. Им трудно было не заметить друг друга: обе в красных шапочках, аккуратных платьицах, передничках, одинаковых башмачках... словом, похожи, как близняшки.

– Ой! И ты Красная Шапочка! – удивилась одна. – А тебя как зовут?

– Мари, – сдержанно ответила вторая. – А тебя?

– А меня – Маша.

– Очень приятно.

– Ты за распределением?

– Да.

– А что ты заканчивала?

– Сказочный факультет при Сорбоннском университете. А ты?

– А я – Вологодский сказочный техникум.

Ожил репродуктор:

– Красные Шапочки, подойдите к окошку номер четырнадцать!

– Ой, это нас! – и, взявшись от волнения за руки, обе Красные Шапочки заспешили к окошку.

– Документы! – высунулся из окошечка длинный нос, увенчанный золотыми очками.

Красные Шапочки послушно протянули зажатые в ладонях дипломы.

– Та-ак... – закачался над ними нос. – Мари назначается во французскую сказку Шарля Перро... Маша – в русифицированный вариант той же сказки.

Произнося слова «русифицированный вариант», нос немного поморщился.

– Распишитесь в получении предписания и описания.

Поставив подписи в ведомости, Красные Шапочки отошли в сторону от окошка и развернули полученные бумаги.

– Ух, ты! – Маша жадно водила глазами по строчкам: – Волк... проглотил... охотники... распороли брюхо... целыми и невредимыми. Круто! Масса адреналина!

Она обернулась к недавно обретенной подруге:

– Э-э, а ты чего ревешь?

Мари, утирая ручонкой глаза, протянула зажатую в дрожащих пальчиках бумажонку. Маша схватила её.

– Та-ак... Волк... проглотил Красную Шапочку и бабушку... Ну, тут почти то же самое, это я уже знаю... А это что такое? Охотники... не успели... Так будет с каждой девочкой, которая не станет слушать свою маму?! Ого!

Она посмотрела на зарёванную Мари.

– Что-то тут не так, – задумчиво произнесла Маша. – Пойдём, выясним.

Она потянула подругу к окошечку. Мари еле переступала ногами.

– Дяденька, – обратилась Маша к продолжающему торчать из окошечка носу, – тут какая-то ошибка. Мы с ней обе Красные Шапочки, однако в моей сказке всё кончается благополучно для всех... исключая, разумеется, волка. Ну, так ему и надо, серому! Не будет глотать маленьких девочек! А вот её, – Маша подтянула Мари к окошечку, – волк почему-то съедает насовсем.

Нос хмыкнул:

– Так и должно быть! Вы, русские, живете в плену иллюзий и фантазий. К тому же вам совсем не дороги окружающая среда и уцелевшие лесные жители – я имею в виду волка. Он, кстати, в Красную книгу занесён. Европейцы же живут рациональным началом. Они знают,

что если не работать, то ничего не будет. У них в обязательном порядке выполняются все законы и правила. Все вещи должны быть разложены строго по полочкам, каждая – на своей!

– И ради сытой и размеренной жизни вы готовы отдать на съедение волку маленькую девочку? – возмутилась Маша.

– Разумеется, – хладнокровно подтвердил нос. – Вы помните слова Достоевского о слезинке ребенка? Вы должны были проходить по программе. Вся западная цивилизация, всё наше благополучие зиждется на гибели нашей Красной Шапочки. На её отрицательном примере воспитывались сотни поколений европейцев! Если вы хотите иметь «мерседесы» и автобаны, надёжные компьютеры и электронику, то должны позволить вашему волку съесть вашу Красную Шапочку.

– Ну, уж нет! – воскликнула Маша. – Дудки! Я и сама себя в обиду не дам, и Мари обижать не позволю!

– Подожди, Маша, – вздохнула Мари. – Если дело обстоит именно таким образом, как он говорит...

Она вырвала руку из ладони подруги, протёрла кулачками глаза, всхлипнула, подняла к окошечку свои голубые-голубые глаза и спросила:

– Скажите, пожалуйста, а где можно принять гражданство Российской Федерации?

Гурманы

К столу подали жареное лох-несское чудовище.

– Пересушил! – недовольно поморщился Виталик, откусив кусочек. – Повара сюда!

– Да успокойся ты! – махнул рукой Степан Степанович. – Мясо у него такое, жёсткое.

– Всё равно: вымочить мог, в уксусе, – упорствовал не то Виталик, не то скопившийся в нём хмель.

– Есть такие мяса, которые, сколько ни вымачивай, мягче не станут, – авторитетно заявил Степан Степанович.

– Вот за что я тебя люблю, – обернулся к нему Василий Васильевич, – так это за то, что ты всё знаешь! Дай поцелую!

Но Степан Степанович увернулся от слюнявых губ и продолжил:

– И потом: повар же в первый раз готовил... такое, – он развёл руками. – Второй раз знать будет.

– А по мне – один чёрт: мясо как мясо, – Василий Васильевич, промахнувшись мимо щеки Степан Степановича, попал на блюдо с мясом и зацепил кусок.

– Не скажи, – закачал головой Степан Степанович, – каждое мясо имеет особенный вкус. Вот анаконда была, к примеру, с кислинкой. А слонятина – с горчинкой...

– Да это... соусы такие были, – проговорил Василий Васильевич, запихивая кусок в рот.

– Не-ет, – помахал пальцем Степан Степанович, – соус накладывается на основной вкус. А тот шёл изнутри, из глубины, значит, из сути.

– Ну, ты у нас профессор, тебе виднее, – махнул рукой Виталик. Он уже почти успокоился и вгрызся во второй кусок. Но Степан Степановича остановить было невозможно. Он сел на любимого конька:

– Тут ещё надо подобрать, какой напиток под это мясо подойдёт.

– Чего тут подбирать? – пробурчал Василий Васильевич. – Под белое мясо – белое вино, под красное – красное...

– А водку? – подозрительно спросил Виталик. – Её подо что? Под прозрачное мясо, что ли? Я такого и не знаю...

– Ну, как же?! – возмутился Степан Степанович. – А рыбу из-под Антарктиды кто на прошлой неделе трескал? А она как раз прозрачная.

– Так то рыба, – махнул рукой Виталик. – А я о мясе... Коньяк, например, под какое пить? Под тухлое?

– Тьфу на тебя! – Василий Васильевич отер губы ладонью. – За едой такие гадости говоришь!

– Во! – удивился Виталик. – А китайскими тухлыми яйцами кто соблазнял?

– Не тухлыми, а... а задохнувшимися, – нашёл слово Василий Васильевич. – Если сырое куриное яйцо закопать на две недели в глину, получается самое то!

– Мда... – произнёс Виталик и повернулся к Степану Степановичу. – Так подо что коньяк?

– Коньяк – под плов, – кивнул Степан Степанович. – Он с шафраном, жёлтый. Помнишь, у Высоцкого: «Коньяк под плов с узбеками, по-ихнему «пилав»...»

– Под плов с узбеками? – нахмурился Виталик. – Они чё, такие мелкие? Вроде изюма?

– Разные бывают... – уклончиво ответил Степан Степанович.

– Ну их, этих узбеков с коньяком, давай лучше про водку! – предложил Василий Васильевич. – Ты интересно рассказываешь!

Степан Степановича особо упрашивать не требовалось:

– Водка, – сказал он значительно, подняв указательный палец правой руки, – такой же многообразный продукт, как, к примеру, вино.

– Или пиво, – влез Василий Васильевич. Степан Степанович поморщился:

– Да иди ты со своим пивом! И слышать не хочу о пивных извращениях-производителях, выпускающих пиво с лепестками роз... Хотя ты прав: пиво стремится стать многообразным продуктом. Но водка... – он прижмурил глаза, – водка – это старинный традиционный продукт!

– Короче, профессор! – кинул Виталик. – Мясо стынет! Подо что лучше всего употреблять это чудо?

И он ткнул пальцем в блюдо с лохнессятиной.

– Тут надо подумать... – Степан Степанович взял кусочек мяса в рот, задумчиво пожевал.

Затем выбрал из батареи водочных бутылок одну и отхлебнул прямо из горлышка. Лицо его расплылось в улыбке:

– Кажись, оно! – удовлетворённо сказал он.

– А ну-ка, налей мне! – требовательная рука Виталика протянулась с бокалом к Степану Степановичу. Тот налил.

Виталик откусил мяса, пожевал, затем плеснул в рот водки, копируя действия Степана Степановича.

– Пожалуй, ты прав, – посмаковав, согласился Виталик. – Так гораздо приятнее.

– Это ещё надо проверить! – возмущённому сознанию Василия Васильевича, оскорблённому отзывом Степана Степановича о пиве, требовались доказательства.

Он повторил действия партнёров, а затем нахально сгрёб из общей кучи водок ещё две бутылки, и принялся колдовать над бокалами.

– Вот! – победно произнёс он, поднимая второй опустевший бокал. – С этой ничуть не хуже!

Уязвленный до глубины души Степан Степанович налил и себе из той же бутылки, запил новый кусок мяса и оскорбился:

– Ты ничего не понимаешь в водках! Эта слишком мягкая! А для такого мяса требуется резкость!

Оба повернулись к Виталику, как к третейскому судье.

– Сейчас я вас рассужу, – заплетающимся языком проговорил тот.

Повторив манипуляции с бутылкой и мясом, он покачал головой:

– Степан Степанович прав!

Но Василий Васильевич не захотел сдаваться и полез за новыми бутылками.

Спустя полчаса, так и не умевший переубедить собутыльников, Василий Васильевич вырубился.

– С-слабак! – прошипел Степан Степанович.

– Ты – м-молодец! – одобрил его Виталик. – Хорошо разбираешься в водках. Готовься. Мне друзья обещали тушёного инопланетянина достать...

– Кого? – не поверил ушам Степан Степанович.

– Зелененького человеч-ик!-ка, – икнул Виталик, – из летающей тарелочки. Они, говорят, людей похищают, опыты всякие ставят. Даже едят. Так мы им в отместку! Устроили засаду, поймали...

И Виталик захохотал.

– Не-не, – помотал головой Степан Степанович, – их есть нельзя.

– Почему? – нахмурился Виталик.

– Они эти... как их... ик! гам... гаммано... ик! еды.

– Гамноеды? – переспросил Виталик. – Ну, это ничего: отмочим, чтобы запах отбить. В уксусе. Не всё же им людьми питаться.

Когда всё заканчивается не так...

Планета медленно проворачивалась на экранах. Безжизненная, мёртвая. Казалось, вращение зависит лишь от скорости облёта: мёртвое не может двигаться.

Но приборы показывали, что угловая скорость осталась прежней: один оборот за двадцать четыре часа.

Лёд, сплошной лёд покрывал поверхность. Континенты угадывались лишь по тонким синеватым теням, отбрасываемым торчащими из ледяного панциря редкими горными пиками. Хотя первоначально их посчитали обычными торосами. Но торосов не было: ледяное поле выглядело идеально ровным и гладким.

– Может, это не Земля? – нарушил молчание Марк.

– Земля, – Пётр устало откинулся на спинку кресла. – Здесь не может быть ничего, кроме Земли.

– Как будто в параллельных мирах не бывает других планет! – Марк не хотел сдаваться.

– Просто все писатели, когда пишут о параллельных мирах, начисто забывают о прочих планетах, – пожал плечами Пётр. – Им это не нужно. Для них параллельный мир – всего лишь антураж. Вот почему я никогда не встречал упоминаний об аппаратах для путешествий между параллельными мирами. Всякие «проколы пространства», «нуль-транспортировки», «машины времени» – сколько угодно и в любом количестве. А «междупараллельномиролёт», – он едва выговорил слово, – никто не построил. Меня озабавила мысль, и я его изобрёл.

– Просто, как всё гениальное, – пробормотал Марк.

Пётр снисходительно усмехнулся. Но промолчал.

Вошла Мария.

– Привет, мальчики! Где мы очутились? О, какое неаппетитное местечко! У кого такое больное воображение?

Она вызвала на экран монитора координаты. Посмотрела на них и произнесла:

– Гм...

– И как ты в них разбираешься? – протянул Марк. – Для меня все твои значки – сплошной тёмный лес.

– Хочешь, раскрою секрет? – Мария не отрывала взгляда от монитора, пробегая строчку за строчкой.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Марк.

– Для меня – тоже, – Мария повернула голову.

– Что – «тоже»? – не понял Марк.

– Тёмный лес. Шучу, конечно. А если честно, эти координаты определить ещё сложнее, чем истинно галактические. Ты представь: бесконечное число миров. И все они – Земля...

– Мария шутит, – добродушно вмешался Пётр. – Нас спасает то, что некоторое количество миров давно описано – теми же писателями, учёными... ну и прочими, кто хоть раз думал на эту тему.

– И кто оставил хоть какое-то письменное свидетельство... – пробормотал Марк.

– Не обязательно, – покачал головой Пётр. – С открытием информационного пространства, с изучением его основных свойств, появилась возможность отслеживать и фиксировать любую мысль любого живого существа в любое время земной истории.

– Это третья научно-техническая революция, после теории относительности и открытия атома! – провозгласил Марк.

– Поменьше патетики, – бросил Пётр. – Обычное развитие науки...

Мария поёжилась:

– А, согласитесь, неприятно, когда вы знаете, что любую вашу мысль могут прочесть в любую минуту.

Пётр усмехнулся:

– То же самое думали и о рентгеновских лучах: чуть ли не панику устроили, когда кто-то написал, что они позволяют видеть сквозь одежду, то есть людей можно видеть голыми. Но ведь это не так. То же самое и с информационным пространством. Но именно его открытие позволило, наконец, в точности узнать картину нашего мира – я бы сказал, Сверхмира.

– Масса параллельных миров... – пробормотал Марк. – И больше ничего. Соты.

– Совершенно верно, – поклонился Пётр.

– Не знаю, – медленно произнесла Мария. – Меня, например, всерьёз огорчило, что ни один из писателей на самом деле не написал ни одного произведения. Они просто улавливали то, что происходило в других мирах, на других Землях!

– Ну, почему же? – возразил Пётр. – Они улавливали то, что смогли уловить – в зависимости от уровня развития собственного мозга. А остальное домысливали – в соответствии со своей фантазией. И потом, вспомните: разве вам не приятно было встречаться с Андреем Болконским? С Робинзоном Крузо? С Гаргантюа и Пантагрюэлем? А Пандора? Разве она не запомнилась?

– Да... – Мария вздрогнула. – И всё равно... Как-то обидно за писателей, жалко их... Они думали, что пишут сами.

– Улавливать сигналы из других миров может не каждый – пусть утешатся хотя бы этим. А в остальном... Надо привыкать к реалиям Сверхмира. Иначе человечество не сможет развиваться. Тем более что и о Сверхмире неоднократно высказывались лучшие умы Земли.

– Да, согласна... И всё же: вспомните, какой шок испытали люди, когда первый раз увидели пришельцев! Несмотря на всю многовековую подготовку.

– Надо учиться жить в новых условиях. Главное – теперь нам не грозит перенаселение. Взять хотя бы вот эту Землю... две тысячи восьмью? Какая она по счету?

– Две тысячи девять... или десять. Я сама сбилась со счёта. Можно заглянуть в справочную систему.

– Не стоит. Не в этом дело. Сейчас мы её облетим, посмотрим, есть ли кто живой, и если нет – передадим для освоения.

– Для этого ты и придал аппарату функции космического корабля?

– Конечно! Представь: если бы мы находились на поверхности, всегда существовала опасность, что на месте нынешней равнины окажется гора, или море. Да мы вообще могли очутиться посередине расплавленной Земли! Вспомни, какие миры уже повидали!

– Логично, – вздохнул Марк. – Ну, давайте посмотрим, живёт ли тут хоть кто-нибудь.

Лучи Солнца, преломляясь на ледяных осколках, заиграли на освещённой стороне планеты. Язык не поворачивался назвать её Землёй, хотя фактически так оно и было. Фейерверк радужных бликов рассыпался по поверхности.

– Как красиво! – воскликнула Мария.

– Да, – согласился Пётр. – Сейчас возьмём пониже...

– погоди! – Мария схватила его за рукав.

– Что такое? – Пётр посмотрел на неё.

– Мне показалось... – Мария напряжённо всматривалась в экран, – будто среди осколков льда блеснуло слово «вечность». Я заметила краем глаза, периферийным зрением.

– Тебе показалось. Я ничего не видел. А ты, Марк?

Марк покачал головой:

– Я тоже ничего не видел. У нас разные углы обзора. Мне слепит глаза – и всё. Вижу одну игру красок.

– Давай посмотрим запись, – предложила Мария.
– Бесполезно: объективы камер смотрят из других точек.
– А если кто-то потерпел аварию?
– Тогда более разумно выложить из льдин слово «SOS». И не одно.
– Может, ты и прав, – медленно произнесла Мария, отходя от экрана. – Скорее всего, мне показалось. Я как раз подумала, сколько времени эта Земля находится в ледяном плену. А тут, как ответ...

– Лёд, лёд, ничего, кроме льда, – Марк был мрачен. – Даже снега нет. Я понимаю – океаны, но суша? Ни следа растительности, ни кусочка голой скалы. Куда всё подевалось?

– Давно это было, – протянул Пётр. – Снег слежался, превратился в лёд...

– Но ведь солнечная активность не уменьшилась! И расстояние от Земли до Солнца осталось прежним! И атмосфера на месте! Почему вдруг такое? На всей планете: минус двадцать пять – тридцать!

– Если бы мы путешествовали только в описываемых мирах, как когда-то сделали Стругацкие в своём «Понедельнике», а не в параллельных, я бы мог ответить, мол, такова фантазия автора. Сейчас же можно предположить, что остыли земные недра...

– Человек! – Мария вытянула руку к экрану.

Тёмная точка на бескрайнем ледяном просторе медленно перемещалась по экрану.

– Дай увеличение! – Мария схватила Петра за локоть.

Маленькая фигурка катила на коньках по ровному ледяному простору Атлантического океана, выписывая незамысловатые пируэты.

– Что за сумасшедший конькобежец?! – брови Марка полезли на лоб.

– Судя по одежде – Европа конца девятнадцатого века, – заметила Мария. – Да он совсем мальчишка! Может быть, разбился космический корабль?

– Или украл космическую шлюпку и удрал в одиночку, – Марк взял себя в руки.

– Я же говорила, что видела слово... – прошептала Мария.

– Срочно на высадку! – скомандовал Пётр.

Мальчик спокойно стоял, нимало не удивляясь ни спускающейся летающей платформе, ни бегущим к нему людям.

– Что случилось? Почему ты один? Где все люди? – его засыпали вопросами.

Мальчик стоял, безучастно обводя «параллельномиронавтов» бледно-голубыми глазами.

– Уж не робот ли он? – шепнула Мария Марку.

– Или сумасшедший, – ответил тот. – Рехнёшься тут в одиночку...

Но мальчик ответил. Ровным бесцветным голосом, действительно похожим на лишённый эмоций голос робота.

– Я... тут... один... Больше... никого... нет... Я... катаюсь... на коньках...

Охваченная каким-то неясным предчувствием, Мария спросила:

– Как тебя зовут?

Мальчик поднял на неё заиндеветшие ресницы, и ответил тем же безжизненным голосом:

– Кай...

Компьютерная игра

Стальное лезвие с легким хрустом вошло в горло. Засвистел вырывающийся из гортани воздух, забулькала и запузырилась кровь.

Стас поморщился: он никак не мог преодолеть естественного отвращения, чтобы сразу вспарывать живот: так экономилось время. Ему и без того казалось, что жертвы продолжают судорожно дёргаться позади, а самое главное – укоризненно смотреть ему вслед. Он будто ощущал взгляды спинным мозгом. Возможно, так оно и было, но Стас никогда не оглядывался. И не из суеверия, нет: не было времени. Пройти уровень следовало как можно скорее, чтобы получить бонус и попасть на следующий – с более совершенным оружием и повышенным статусом.

Стас задрал рубаху у трупа. Ты смотри, да он в кольчуге! Почему же не сопротивлялся? Оружия не было? Или не успел пустить в ход?

Стас ухмыльнулся: новейший ускоритель реакций действовал идеально. Жертвы иногда не успевали положить руку на эфес меча или шпаги – и падали с перерезанным горлом.

«Интересно, – подумал Стас, проделывая привычные манипуляции и извлекая из желудка убитого большой драгоценный камень, – на каком уровне сменится оружие? Хоть бы автомат какой найти! Надоело кинжалом орудовать...»

Камень светился кроваво-красным светом. Это ни о чём не говорило: кровь быстро сворачивалась, первоначальный цвет камней был почти одинаковым для всех.

Стас потёр камень о рукав рубашки. Ткань в этом месте заскорузла от подобных операций и неприятно царапала кожу, но всё же кое-что увидеть удалось: цвет камня не изменился.

«Рубин», подумал Стас. Для него все камни делились на три вида: красные рубины, зелёные изумруды, прозрачные алмазы. Они же бриллианты, если удавалось найти огранённый. Но таковые попадались редко, и за них давали самый большой бонус. Чем в действительности являлись камни, и являлись ли, Стаса не интересовало. Главное – набрать побольше. В этом весь смысл игры.

Иногда вместо камней попадались золотые монеты. Ими Стас тоже не брезговал. За них хоть и не давали бонуса, но зато в мелких лавчонках можно купить что-нибудь из еды или амуниции.

Если...если только у лавочника самого не оказывалось в желудке драгоценного камня. Тогда еда и закуски шли бесплатно, в виде бонуса.

Стас давно, ещё на втором уровне, научился отличать людей с камнями от обычных: от тех, у кого внутри ничего не было. Научился по мельчайшим нюансам поведения: не вовремя отведённым глазам, опущенной голове, прикрыванию лица ладонями. Всё это делалось с одной-единственной целью: скрыть алчный блеск в глазах. И для чего тогда они глотали камни? Что камни давали людям? Силу? Власть? Здоровье?

Стас их не понимал: ни людей, ни камни. Для него камни были источником бонусов, а люди – источниками камней.

Нет, один раз – когда поднялся на уровень, где начал понимать чужую речь – не выдержал и задержался на минуту, чтобы спросить у очередной жертвы: зачем вам камни?

– С ними хорошо, – прошептал человек. – Без них плохо...

– Но остальные ведь живут без камней?

– Это не люди, – лицо спрашиваемого перекошило. И гримаса быстро перешла в гримасу боли: Стасу надоело спрашивать.

Не люди? Но Стас не видел разницы между людьми с камнями и людьми без камней. Он спросил еще раз – у хозяина таверны, когда, давясь, быстро поглощал плохо пожаренный бифштекс и запивал пивом: в чем отличие людей с камнями от обычных?

– Не знаю, сеньор, – подобострастно глядя в глаза, поклонился хозяин. – Мне камни не нужны. Я не знаю, для чего они.

– А для чего их глотают?

Хозяин усмехнулся:

– Боясь, что отнимут, наверное. Свои, такие же безумцы. Нормальным людям камни не нужны.

Больше вопросов Стас не задавал.

Единственным неприятным воспоминанием было почему-то воспоминание о бесконечных скитаниях по первому уровню, когда решался вопрос: выживет ли он сам, и сможет ли продолжить игру. Да ещё, пожалуй, пустопорожние хлопоты: когда он не научился отличать носителей камней от обычных людей, и напрасно рылся в окровавленных внутренностях, разыскивая то, чего там и не могло быть. Но это было давно...

Первый уровень... Сейчас он, пожалуй, прошёл бы его за пять минут. Но возвращаться назад неинтересно, да и невозможно.

Мокрый от крови мешок с золотом неприятно холодил ногу, и время от времени прилипал к ней. Со вторым мешком было проще: он висел на груди, а её защищал бронежилет. К тому же камни весили меньше. Правда, мешал запах крови, и Стас постоянно морщился, но тут ничего поделать было нельзя: сам выбирал компьютерный шлем с максимальным эффектом присутствия. 6D-технология.

Так, ещё один!

Стас метнулся к пробирающемуся в сумерках человеку, чьи глаза привычно блеснули в надвигающейся ночи. Пожалуй, это будет последний...

Да, так и есть: едва Стас положил драгоценный камень в мешок, как переговорное устройство, висящее рядом, запищало:

– Выдвигайтесь в квадрат двадцать семь! Вас ждут.

– Слушаюсь! – ответил Стас, доставая карту. Ага, вот где этот квадрат...

Всё, теперь можно расслабиться. На этом уровне не осталось больше никого, кем следовало заниматься. Теперь отдых, горячий душ, обед, лёгкая выпивка... Ну и, разумеется, повышение статуса, новое оружие, одежда...

Стас осмотрел комбинезон. Пожалуй, можно ещё уровень проходить в нём. А прикупить что-нибудь более полезное. Например, точило для кинжала. А то почти совсем затупился. Не режет, а рвёт. Но это в том случае, если на следующем уровне не будет предусмотрено какое-нибудь другое оружие. Холодное задрало. Пора бы пострелять...

В искомом квадрате находился высокий холм. На холме стоял Четверорукий. Стас так и не понял за всю игру, кто это: робот, древний бог, инопланетянин? Да и какая разница? Главное чтобы безотказно расплачивался за драгоценности.

Стас протянул Четверорукому мешок с драгоценными камнями. Тот принял.

– Ты хорошо поработал, – знакомый бесцветный голос не выражал никаких эмоций. – Теперь можно повысить твой статус. Ты становишься Знающим. Теперь тебе можно сообщить, что никакой игры на самом деле не было. Ты действительно завербовался в наёмники на этой планете. Дело в том, что Хранящие камни очень похожи на вас, и подпускают к себе только людей. Нас бы они сразу атаковали. И убили бы. А камни нам очень нужны. Продолжай свою работу. Ты хорошо её выполняешь.

Стас был ошеломлён:

– Не игра?

– Выбирай себе новое оружие, – голос Четверорукого не изменился. Он распахнул позади себя пространство, и на Стаса взглянули мечи, кинжалы, сабли, палаши – снова ничего огнестрельного.

Но Стас не смотрел на блестящие стальные лезвия.

Он повторил:

– Не игра?

Безумными глазами он посмотрел на мешки с драгоценными камнями и золотыми монетами, на свои окровавленные руки, на затупившийся кинжал. Поднял глаза к небу. И захохотал.

...нас не оставят...

Скоро опять умирать.

Он усмехнулся. Опять... Второй раз уже не так страшно. А если учитывать и ту, самую первую, клиническую, так для него смерть вообще дело привычное. Да, зажился он здесь. А всё внучка. Никак не хотела отпускать, пока была маленькая. И пока были живы её папа и мама.

Обычно чаще нужны детям родители, да и то лишь до тех пор, пока дети сами не составятся. А то и пока не умрут.

Впрочем, у кого как. Кое-кто, наоборот, лишь когда сам превратится в старика, осознаёт, каково быть стариком. Кто это, интересно, учится исключительно на собственных ошибках? Дураки? Ну, может, и дураки. Память совсем плохая стала. А может, не в памяти дело. Не хочется ничего, вот что главное. Ну, совсем ничего не хочется. Тело, что ли, виновато?

Он осмотрел своё тело, хотя осматривал, наверное, тысячи раз с момента воскрешения. Удивлялся рукотворному чуду, созданию человеческого разума.

Тело как тело. Все родинки на положенном месте, и набрякшие сосуды, и дряблая кожа. Можно было, конечно, и новое попросить, омолодиться, только зачем? Не в теле дело. В сознании. Исчезли желания. Наверное, как неизбежная плата за воскрешение.

«Там нет ни желаний, ни стремлений, ни...» Как дальше? Не помню... Впрочем, это неважно. Скорее всего, воскрешение ни при чём: желания и стремления стирает смерть. А воскрешение не может их восстановить. Хотя всё остальное: сознание, память, ум, логическое мышление, интеллект — остаются.

Он снова усмехнулся: да, не силен я в науках! Что в голове творится, кто знает? Если специально не заниматься, откуда узнаешь? Это раньше воскрешали одних учёных, чтобы те смогли закончить начатую работу, завершить исследования, рассказать то, что не сумели записать. Или писателей, чтобы дописали книги.

Не секрет, что обычно со смертью учёного цепь изобретений и открытий прерывается, несмотря на наличие учеников. Потому что мозг у каждого свой. Вон, например, опыты Николо Тесла до сих пор повторить не могут.

А теперь воскрешают любого. Достаточно написать заявление и заплатить соответствующую сумму. И ещё одно условие: с момента смерти должно пройти не более года. А раньше вообще срок был сорок дней. Как-то всё связано с тем, что происходит с человеческим сознанием после смерти. Со всеми переходами, выходами в астрал и прочим. Чему он и при жизни не уделял достаточно внимания, а уж теперь и подавно. Не хочется.

Пусть будет, что будет. Живые тоже не очень интересуются подобными делами. Нет, некоторые стараются придерживаться определённого религиозного культа: постятся, молятся, совершают намаз... В общем, всё делают, как положено. Может быть, они и правы, ведь чтобы завести машину, нужно сначала залить бензин, установить аккумулятор, выжать сцепление, повернуть ключ зажигания, прибавить газку... Вот это он помнит, вот это было его дело. А всё остальное... Повод для пустого разговора, не больше.

Загробная жизнь мало занимала его при жизни, разве после смерти начал задумываться. Да и то: не влияет ли воскрешение на естественные процессы? Ну, то есть, будет ли царство небесное для вторично умерших? Или они попадают в какое-то другое место? В какое?

Церковь пока ничего на это не сказала, хотя воскрешают, наверное, уже лет пятьдесят, а то и больше. Спорят духовники. Одни предают анафеме и воскресителей и воскрешённых,

другие видят в этом божье провидение, дающее людям возможность ещё раз покаяться и уверовать.

А во что уверовать-то? Он ничего не помнит. Как в первый раз, после клинической смерти, так и во второй. Да, вроде бы летел куда-то, душа то есть, или сознание. Что-то видел. Но то были вполне земные картины. И воспоминания от раннего детства и до самой смерти. Яркие, отчетливые. И очень острые.

Переживания были даже сильнее, чем когда всё совершалось в реальности. И обида от отнятой конфеты, и яростная злость на обидчика, и торжество от расквашенного обидчику носа. Но всё это в десятки, сотни раз сильнее.

А ещё и снисходительно-взрослое отношение к себе, ребенку. И неловкость от проявленной ярости, и боль от разбитого чужого носа. Не телесная, духовная. Или душевная? Боль от того, что я его ударил.

Может быть, это и есть адские муки и райское наслаждение? Но почему всё вместе? И будут ли они после второй смерти?

Да, носы он сейчас никому не разбивает. И старается не обижать никого, даже словом. Но молодые... Они всё понимают по-своему, и всё равно обижаются. Нет, не его словам, своему пониманию его слов. И что с этим можно поделать?

По прошествии года с момента смерти никого воскресить не удаётся. Да это, в общем, и становится ненужным: если кто-то хотел узнать у умершего родителя, куда тот спрятал ключ от сейфа, или каков код банковской ячейки, то обычно спохватывался раньше, чем через год. Если кому-то было невмоготу от потери, особенно неожиданной, тоже обращался в службу воскрешения сразу. Очень плохо именно в первый год...

Невозможность воскрешения через год после смерти выявили экспериментально. Когда захотели воскресить известных личностей. По заказу историков, в основном. И... ничего не получилось. Может быть, пока. А в дальнейшем что-нибудь придумают. И появятся достоверные публикации мемуаров Наполеона, Лойолы, Нерона... ну и всех остальных. Если к тому времени это ещё будет кому-нибудь интересно.

Нет, кое-кто воскрешает родных ради престижа. И такое случается!

Другие – из-за того, что некому сидеть с маленьким ребенком. Тоже парадокс: пусть няня обходится не дешевле воскрешения, но многие предпочитают воскрешённых дедушку или бабушку дипломированным гувернанткам, коим дела нет, по большому счету, до чужих детей.

А третьи воскрешают родных просто потому, что больше не с кем поговорить. Все вокруг чужие. И вдруг оказывается, что о самом главном с близким человеком при жизни так и не договорили. Хорошо, что есть возможность поговорить после смерти.

Некоторые воскрешали своих умерших и по соображениям моды. Что поделать: человечество ещё не поднялось до высоты своих моральных устоев. Другие – опасаясь грабителей: хотели, чтобы в доме кто-то был в их отсутствие. Он слышал про такие случаи. Даже если в дом залезают наркоманы-отморозки, которые могут убить любого, кто встанет на их пути. Но воскрешённого убить сложнее, да и смерть им не страшна.

В голове закружилась песня: «Наши мёртвые нас не оставят в беде, Наши павшие как часовые...». Сейчас эти слова приобретают прямой смысл.

А вот все попытки военных скомплектовать хотя бы взвод из умерших неизбежно проваливаются. Их нельзя заставить взять в руки оружие. И они не могут никого убивать. Потому что знают, что такое смерть.

Он встал и прошёлся по комнате. Скорее, по привычке, чем по необходимости. Сделал несколько гимнастических движений, чтобы «разогнать кровь».

И за новым телом приходится ухаживать, как и за старым. Правда, искусственные белковые молекулы более живучи, чем естественные, и их легче обновлять, но поддерживать

себя в форме проще старой доброй гимнастикой, а не ежедневными инъекциями. И хотя боли он сейчас не чувствовал, уколов по-прежнему не любил.

Он снова посмотрел на своё тело. Протез, протез человека. В полный рост и почти со всеми функциями. Ну, и что с того? Наоборот, радоваться надо, что не приходится ходить на деревянной ноге, как во времена «Острова сокровищ». И не терпеть во рту фарфоровые или металлические зубы.

Казалось бы, живи и радуйся. Ан, нет. Нет радости и нет желания жить. Живёшь только для них, для родных и близких. Для тех, кто дал тебе вторую жизнь.

Как интересно получается: когда-то он дал жизнь детям, а теперь они дали жизнь ему. Но и тогда он жил ради них, и теперь.

А он устал. Очень устал. Хотя сейчас ничего не приходится делать. Может, усталость от безделья? Он знает многих, в том числе и очень хороших знакомых, кто по-прежнему, как при жизни, ездит на дачу, ковыряется в земле, что-то выращивает. Но сейчас это ещё больше привычка, чем в первой жизни.

Жить для других... понимать, что ты им нужен не деньгами, не советом – нет, у них всего достаточно, – а самим фактом своего существования. Потому что им больно без тебя, той самой душевной болью, которую ты испытывал после смерти, переживая прошлое. С тобой им легче и лучше, чем без тебя.

Когда-то у людей оставалось лишь воспоминание об умерших родственниках, потом появились записи. Глядеть на знакомый почерк, читать сотни раз прочитанные строки и словно оживлять человека в памяти. Потом появились фотографии, магнитофонные ленты, кино, видеозапись. И, наконец, открыли способ воскрешать умерших, давать – нет, не им, себе – возможность прожить вместе с ними столько времени, сколько осталось тебе, сказать им то, что не успел сказать, продолжать делиться твоими радостями и горестями.

Не все шли на это, по разным причинам. Но, может быть, потом, после своей смерти, и такие люди поймут, что значит жизнь, и как с ней следует обращаться...

Никого, кроме людей

Передвигаться по крутому склону было не очень удобно, но других склонов на планете не имелось.

Питер Мец достиг вершины хребта, и ухватился за треугольный край, чтобы отдышаться.

Право, он предпочёл бы двигаться вдоль хребта, даже рискуя быть разрезанным пополам – если вдруг ослабеют ноги, – чем беспрерывно ползать вверх-вниз. А внизу ещё и приходилось перепрыгивать через ручьи или переплывать через реки, если распадок оказывался достаточно широким.

Но другой дороги в Замок не было, и потому Питеру приходилось двигаться именно так: то поднимаясь на склон, то спускаясь со склона. Хорошо ещё, что почти повсюду склоны были увиты буйной растительностью. Сапрофиты присасывались намертво, и могли выдерживать не только свой вес, но ещё и вцепляющегося в них человека. Тогда передвижение превращалось в лазание.

Там, где не было зелёных стеблей, сохранялись сухие: древоедам было запрещено сгрызать растительный слой без остатка. В противном случае всем приходилось бы двигаться в обход, а этого никому не хотелось.

Питер посмотрел вперёд, надеясь увидеть Замок. Но до него было ещё далеко.

Перед Питером простиралась череда горных хребтов, через которые предстояло перевалить, чтобы добраться до цели. Одни из них чуть повыше, другие чуть пониже. К счастью, ни один из хребтов не сверкал нестерпимым блеском ледникового покрова: ледовый пояс начинался много севернее, но от этого склоны не становились менее крутыми.

Вздыхнув, Питер начал спуск. Вверх-вниз, вверх-вниз. Поневоле позавидуешь древоедам. Им-то не приходится постоянно переваливать через хребты. Разве что кто-нибудь увлечётся и выгрызет всю растительность в своём распадке. Но тогда проглоту помогает перебраться через горы кто-нибудь из распорядителей. В их же интересах...

Но обычно этого не случалось: растения успевали отрасти прежде, чем древоеды переползали от ледяного пояса до раскалённого, и обратно. Туда по левому склону распадка, обратно по правому. Вот и весь севооборот.

А в самих поясах ничего не росло: возле льда всё замерзало, а по приближению к экватору – выгорало от всеиссушающей жары. Даже ручьи и речки переставали течь, и густыми испарениями поднимались кверху, чтобы снова потоками дождя пролиться где-нибудь в среднем поясе, либо же осесть снежинками в поясе лютого холода.

В больших распадках проживало по два древоеда, поэтому они могли порой встречаться и переговариваться. А то и ещё что-нибудь... Особенно если на соседних склонах разместили мужчину и женщину.

Питер подозревал, что распорядители делали так специально. Во всяком случае, в смежных распадках древоеды так и жили, через одного: мужчина-женщина, мужчина-женщина. Ну да, древоеды медлительные, им далеко и быстро ползать нельзя. Это он, Питер, мотается чуть не по всей планете. А древоедов много...

Но иногда почему-то на соседних склонах лощин или в смежных распадках Питеру встречались либо два мужчины, или две женщины. Что это: ошибка распорядителей? Или личные просьбы древоедов? Что за странные желания...

Питер помнил многие слухи, но считал не более чем сказками, вывезенными со Старой Земли. Тем более что попадались древоеды, которые никогда не покидали своей лощины, несмотря на то, что жили в одиночку.

К одной из таких лощин Питер как раз и приближался. В ней жила Анита – древоедка, которой Питер необычайно симпатизировал... Не то из-за накачанных беспрестанным передвижением по крутым склонам ляжек, не то из-за гипертрофированно разбухших от молока грудей. Доильщики появлялись хоть и регулярно, но то ли никогда не могли выдоить Аниту полностью, то ли молоко вырабатывалось у неё очень быстро, то ли по какой иной причине, но её соски едва не касались каменного склона, и уж наверняка постоянно задевали толстые необъедаемые ветви.

Питер почувствовал, как при воспоминании об Аните у него напрягаются все мускулы.

Хотя Питер никогда себе ничего не позволял, даже смотреть на неё сзади. И не потому, что становились видны намозоленные локти и лодыжки. Это его не смущало. Но сзади обязательно двигался копрофаг, и зайти совсем сзади не удавалось.

К тому же Питер не был уверен, что тот не является тайным осведомителем Знатных.

«Интересно, – подумал он. – А копрофаг хочет Аниту? Наверное, хочет. Её нельзя не хотеть... Тем более что он всё время находится позади неё».

И Питер почувствовал внезапный укол ревности. Чтобы немного успокоиться, он подумал о другом. Но и другое тоже касалось Аниты и копрофага:

«А я смог бы, как он, поедать испражнения любимой женщины? – подумал Питер. И почему сапрофиты не перевариваются полностью в организме древоедов! А кал древоедов почему-то переваривается полностью, и наружу выходит один воздух... Правда, очень вонючий...»

Питер мечтал когда-нибудь пригласить Аниту в свою хижину, хотя и боялся, что она отвергнет его: людей его специализации почему-то не жаловали. Но почему? Так ведь установлено издревле: каждый должен заниматься своим делом. Иначе возникнет конкуренция, люди начнут убивать друг друга... как было на Старой Земле. Нужно поддерживать очень строгий баланс между количеством растений, древоедов, копрофагов... и всех остальных. Чем и занимаются Знатные.

Или она боится, что будут дети? Но подобное не всегда случается. А даже если и будут... Или она боится, что дети пойдут в него? – внезапно подумалось Питеру. Он невесело усмехнулся: всё та же кастовость... Но без каст нельзя: на планете сразу вспыхнет кровавая междоусобица! Без сильной центральной власти все перегрызут друг другу глотки... Так говорил Правитель...

«А Правитель мудр», – привычно подумал Питер. Хотя иногда и сомневался: как это древоед перегрызёт горло ему, Питеру. Вот наоборот – другое дело...

«Но я не хочу питаться одними растениями, – подумал Питер, – не хочу занимать место древоедов. Одно дело – сжевать два-три листочка, и совсем другое – жевать их с утра до вечера. Да ещё чтобы потом тебя доили!»

Питер видел мужчин-древоедов. У них такие же большие груди, как и у женщин, и к ним также два раза в день пробирались доильщики с бурдюками. Правда, Питер однажды услышал разговор двух Знатных, и один жаловался, что мужское молоко не такое вкусное, а другой возражал, утверждая, что молоко было от старого древоеда. Потом они ещё о чём-то заспорили, но Питер уже не слушал: разбираться в молоке могли одни Знатные, а его это не касалось.

Питер перевалил ещё через хребет, и в груди сладко защемило: это была лощина Аниты... Он специально сделал небольшой крюк, а не пошёл напрямик в Замок, чтобы увидеть её.

Но пока он её не видел, а чувствовал и слышал: подрагивание кустов и веток говорило о том, что она находится именно там, где с аппетитом поглощает зелёные побеги.

– Здравствуй, Анита! – чуть запыхавшись, произнёс Питер.

– Здравствуй, Питер! – с хрустом ответила она, утираясь ладонью от сбегающего по углам рта зелёного сока. – Далеко ли путь держишь?

– Да вот, – смущаясь, проговорил Питер, косясь на большие белые груди Аниты: они находились внизу и потому не загорали, – вызвали в Замок.

– О! В Замок! – Анита благоговейно сложила лопатообразные ладони на груди.

Но Питер не замечал толстых пальцев, приспособленных вцепляться в древесные ветви, он видел лишь прикрытые ими белые груди.

Как хорошо быть доильщиком и выпускать Анитино молоко в сплетённые из листьев бурдюки!..

Но миг блаженства был бы очень краток: потом пришлось бы быстро карабкаться по склонам, неся молоко на пункты переработки, где из него готовили творог, сметану, сыр, сливки... Из-за этого у некоторых доильщиков случались инфаркты.

– А... зачем в Замок? – поинтересовалась Анита.

– Вызвали... – уклончиво ответил Питер. Не мог же он прямо сказать, для чего вызвали. Она бы презрительно поморщилась, а то, чего доброго, и отпустила какую-либо колкость. А Питер не терял надежду пригласить Аниту в свою хижину. Мало ли: вдруг она забудет, кто он такой? Или он вдруг поменяет статус и станет Знатным – говорят, бывали такие случаи. Или случится что-нибудь ещё, и можно будет брать жену вне своей касты...

Припёрся копрофаг, смачно облизываясь, и Питеру стало противно. Разговаривать с Анитой в присутствии копрофага Питер не хотел.

– До свиданья, – сказал он. – На обратном пути загляну.

И не удержался, чтобы не похвастаться. А, вернее, соврать. Но легонько, полунамёком:

– Может, мне поменяют статус...

– О-о! – протянула Анита.

– И тогда... – продолжил Питер, – мы поговорим с тобой?

– Хорошо! – кокетливо согласилась Анита, наклонив голову.

Ещё раз с вожделением взглянув на её груди, и облизнувшись, Питер продолжил путешествие.

Дальше дорога шла легче. Не потому, что Питер повидался с любимой женщиной. А из-за того, что когда космический корабль, распадаясь на куски, дёргался над планетой, и команда ещё пыталась отыскать более-менее подходящее место для посадки, отваливающиеся от корпуса части оставляли отметины на скалах, проламывая пологие перевалы в горных хребтах.

По этим-то отколам и можно было ориентироваться. Ну и, разумеется, по лёгким различиям в силуэтах хребтов, и по их высоте, по ширине распадков и углу падения склонов. По плотности растительности, наконец. Но этот ориентир работал лишь до очередного появления древоедов, иногда меняющих озеленение лощин разительно. Жор на них нападал, что ли? Если на склонах не было старых одревесневших побегов, они выедали зелень до лысой скалы.

После прощания с Анитой Питер перевалил, наверное, через три хребта, а её дойки всё не давали ему покоя: он постоянно оглядывался. И его посещали грустные мысли.

Наверное, не стоит даже мечтать о ней: ей в мужья подберут кого-нибудь из древоедов. Питер вспомнил внешний вид самцов-древоедов (называть их мужчинами не хотел) и зло усмехнулся: ну чем они отличаются от их женщин? Разве что волосатой грудью. И то не каждый. А на самых концах грудей волосы поредели от каждодневного доения.

«Ни за что не дал бы себя доить!» – снова подумал Питер. Но его никто и не стал бы доить.

Хотя древоеды, в общем, не виноваты: в растениях изначально содержались вещества, от которых растёт грудь. Ну а потом их же специально раздаивают...

«Интересно, а как было изначально? – подумал Питер. – И как на Старой Земле? Там, рассказывают, жили какие-то животные, самые разные. Одних доили, других стригли, третьих... Так рассказывают Крамольные Легенды. А на этой планете нет никого, кроме людей. И, чтобы выжить, людям требовалось приспособиться. Появились касты: древоедов, копрофагов, Знатных... ну, и всех остальных».

Питер вновь подумал об Аните. Да, они в разных кастах. И Знатные говорят, что касты есть и на Старой Земле. И потому одна каста презирает другую. Питер не раз видел, как при взгляде на него морщатся не только древоеды, но и копрофаги. Уж кто бы морщился! По крайней мере Питера никто из Знатных не тронет. А остальных...

Питер знал, что на столе у Знатных время от времени появляется свежее мясо: ему случалось подьедать остатки. Но о том, откуда оно появлялось, предпочитал не думать...

Потому что на планете не было никого, кроме людей.

Но вот то, что Знатные присвоили себе наименование «каста Хищников», было, пожалуй, несправедливо. Как-то... меняться следовало. Чтобы человек один день ел одно, в другой – другое, в третий – третье.

А кто захочет есть то, что ест Питер? Да, пожалуй, никто. А так: привычка... тысячелетняя история... перестройка метаболизма. Но неужели нельзя было перестроить метаболизм другим образом? Ведь за копрофагами какашки никто не поедает: они рассеиваются в воздухе. И это, пожалуй, справедливо: древоеды едят растения, которые берут питание из воздуха. Молоком древоедов питаются Знатные. Ну... не только молоком, конечно. Но не будем об этом.

Показалась громада Замка. Он единственный стоял на относительно ровной площадке: в месте, куда несколько тысяч лет назад грохнулся и взорвался взбесившийся реактор, катапультированный со звездолёта. В окрестностях Замка ещё можно найти обломки его обломков и осколки разлетевшихся скал. Их поисками, а заодно и поисками метеоритов, и занимались Знатные. Ими они и вооружались, от них и получали силу: что может сделать человек со слабыми ногтями против крепчайшего осколка алмазной скалы?

Они-то и были острыми зубами Хищников. Так, наверное, и появилась их каста. А потом... Привычка к однообразному питанию закрепила разделение людей, когда потомки уже не могли есть ничего, кроме того, чем питались многие поколения предков.

Но, наверное, так и было нужно: иначе люди скоро загадили бы всю планету и погибли. Ведь на ней не было микробов, перерабатывающих отходы жизнедеятельности.

Был ли выбор? Да, изначально: остаться в живых любой ценой, даже путём кардинального изменения организмов, или умереть. Многие умерли: те, что не смогли приспособиться или примириться, не смогли переступить через себя, через моральные и этические запреты.

Оставшимся было всё равно. Они хотели одного: жить. Кем – неважно.

Солнце заходило прямо за Замок. Это было очень красиво: на его постройку выбирали только самые прозрачные осколки, и поэтому Замок искрился и сиял, словно настоящий бриллиант.

Питер ускорил шаг. Хотелось успеть до захода солнца. А вот исполнять свои обязанности не очень хотелось. Почему-то вспомнились те, чьим потомком он был. Что бы сказали они? Или поняли бы, что у людей не было иного выхода? Что иначе загрязнение планеты неизбежно привело бы к гибели людей? А, создав замкнутый биоценоз, оставалась надежда выжить, дожидаться, быть может, спасательной экспедиции с Земли...

Но ничего не поделаешь: надо. Для этого он предназначен, это делал почти с рождения. И, собственно, что в этом особенного? Его обязанность основана на глобальной потребности человека, потребности в пище.

«Что поделаешь, – успокаивал сам себя Питер. – Такова карма моей касты».

У Повелителя планеты умерла бабушка. И надо было её съесть.

Нищенство – основа благополучия

Бик-Шмак блаженствовал. Оставалось совсем немного до осуществления заветной мечты: покупки должности главы гигантской корпорации. Он шёл к этому всю жизнь. Пятьдесят долгих лет сидел на углу Пятой и Восьмой улиц с неизменной чашкой для сбора милостыни. Изо дня в день, с утра до вечера. Не делая даже небольших перерывов, чтобы сбегать в близлежащий туалет. Спасали бесплатные муниципальные памперсы.

Надо сказать, что мэрия в деле обеспечения нищих была на высоте. Да и как иначе, если все служащие – от консьержки до мэра – когда-то сами были нищими. Да что мэрия! Парламент страны целиком состоял из бывших нищих. Так что нужды и чаяния народа парламентарии знали.

И сам президент тридцать лет выпрашивал милостыню, пользуясь накладными шрамами и деревянной ногой, треснувшей посередине и жутко скрипевшей при ходьбе. Это, да ещё чёрная повязка через глаз, да хриплый голос, да непревзойдённые актерские способности, и позволили ему в столь короткий срок сколотить требуемый капитал и сделаться самым молодым президентом в истории страны. Остальные добивались до заветной должности лишь к семидесяти-восемидесяти годам, и покрасоваться в золочёном кресле им удавалось недолго: один даже не успел принести присягу и скончался от долгожданной радости.

Но не все были столь честолюбивы.

Бик-Шмак вспомнил одного из знакомых, Карт-Фрайя, с которым когда-то начинал нищенствовать. Тот смог выдержать всего полгода, хотя был совсем молодой, и, накопив на фартук, рукавицы, бляху и метлу, устроился работать дворником.

– Я не могу нищенствовать! – заявил он. – Я не карьерист. Мне стыдно!

Стыдно ему, видите ли! Да ведь нищенство – основа благосостояния! Этот девиз находится на государственном гербе!

Как иначе накопить денег, чтобы открыть собственное дело? Или купить нравящуюся государственную должность? Ведь любая должность, любой пост, любая профессия покупались в обязательном порядке. А других средств, кроме полученных нищенством, добыть было неоткуда. Никто ведь не может работать без инструмента. А инструмент надо покупать самому. Хочешь стать плотником – покупай топор, пилу, молоток, гвозди. Иначе нечем работать. А нечем работать – ничего не сделаешь. А ничего не сделаешь – не получишь зарплаты. А не получишь – не на что будет купить еды и одежды. А если нет возможности купить еду и одежду – значит, тебе прямая дорога в нищие. Круг замыкался.

Вот потому-то все с нищих и начинали. Кое-кто, правда, и заканчивал, если не удавалось укрепиться во вновь приобретенном статусе. Но такое случалось редко: если долго пестуешь и лелеешь мечту, то, когда она сбывается, делаешь всё возможное и невозможное, чтобы сохранить её.

Но все начинали с нищенства. Нищему хорошо: покормят бесплатно – на это есть кухни Армии Спасения. Бесплатно и оденут, из запасов той же Армии. Обеспечат крышей над головой, то есть дадут направление в ночлежку. А там и душ, и туалет, и телевизор – чтобы от жизни не отрываться.

Немалые средства тратятся на нищих. Откуда всё берется? Из налогов конечно, откуда ещё? Все работающие обязаны платить налоги.

Налоги идут на армию и флот, на космос, на фундаментальные научные исследования – помимо частных инвестиций, разумеется, – и на социальное обеспечение, то есть на нищих. Ах, да, и на зарплату государственных служащих. Так что источник финансирования у тех не меняется всю жизнь.

А налоги на работающих такие, что им едва-едва хватает на еду, на одежду, на оплату жилья – в пределах своего социального статуса. Ну и, опять-таки, на воспроизводство источника собственных доходов, то есть на покупку материалов и инструментов, необходимых для выполнения работы. Мало у кого остается средств на изменение статуса, об этом надо думать сразу, пока ты нищий.

А если кто хочет сэкономить, тот должен тщательно беречь свои средства производства. Но старыми инструментами много не наработаешь, и потом: для чего тогда прогресс? Да и вопросы престижа не последнее место занимают. Одно дело, когда ты работаешь на станке последней модели, а другое – если рубанком двадцатилетней давности. Тут к тебе и отношение соответствующее, и заказы, и оплата.

Бик-Шмак вспомнил Барг-Чизгена, решившего стать токарем, и три года честно копившего нищенством на токарный станок и первую партию заготовок. Как-то он навещал Бик-Шмака, подал какую-то мелкую монетку, и долго извинялся, что не может дать больше: он работал на каком-то заводе, и трудовой коллектив решил приобрести его в коллективную собственность. Поэтому все деньги шли на оплату завода.

«И что хорошего? – подумал Бик-Шмак. – Налоги плати, за материал плати, за реконструкцию завода плати...»

То ли дело быть нищим! Живёшь на полном государственном обеспечении, да ещё и знаешь, что каждый день приближает тебя к осуществлению мечты. А всего и делов: целый день выпрашивать милостыню, а вечером отнести деньги в банк и положить на счёт. И радоваться, видя, как от года к году увеличивается число нулей.

Единственно, реклама задалбывает: к справке о состоянии счёта неизбежно прилагаются проспекты, сообщающие, что на накопленные тобой деньги ты уже можешь купить... и далее идёт перечисление постов, должностей и профессий, с дифирамбами в адрес каждой.

Некоторые не выдерживают, ломаются. Слабаки! Ну и что, что к должности, например, директора банка, прилагается возможность два раза в год ездить в экзотические страны на отдых, а также рыцарский средневековый замок? А содержать замок сколько стоит? И, к тому же, что это за должность: директор банка? Всего пятнадцать слуг и три автомобиля. Нет уж, если и променять свою свободу, то только на пост генерального директора крупнейшей корпорации.

Бик-Шмак не скрывал своих амбиций, и на блюде, с которым сидел, и в которое собирал подавание, написал: «Собираю на пост генерального директора...» ну и так далее.

Многие относились с пониманием, ведь речь шла об осуществлении человеческой мечты, поэтому подавали неплохо.

Этому способствовал и солидный вид Бик-Шмака. Любой, взглянувший на него, мог сказать: «Да, этот будет неплохо смотреться в кожаном кресле!»

Обильному подаванию способствовал специальный закон о нищенствовании, согласно которому сумма налогов уменьшалась на величину подаяния. Тем более что все в своё время были нищими, и понимали, как это мучительно: годами ждать осуществления мечты.

В тарелку плавно опустилась солидная купюра.

Бик-Шмак поднял глаза. И удивился: перед ним стоял Карт-Фрай.

– О! Это ты! – обрадовался Бик-Шмак. – Как дела? Вижу, вижу, неплохо: такими деньгами разбрасываешься!

Карт-Фрай присел на корточки возле Бик-Шмака.

– Я уже старший дворник, – тихо сказал он. – Избрали на общем собрании. А ты всё копишь на свою мечту? Не думаешь заняться чем-нибудь другим?

– Нет, – покачал головой Бик-Шмак. – Я не меняю своих решений!

– Вот поэтому я и решил тебя поддержать, – Карт-Фрай кивнул на купюру в миске.

– Спасибо! – Бик-Шмак погладил купюру двумя пальцами, как котёнка.

– А чем ты ещё занимаешься? – спросил Карт-Фрай.

– А чем ещё можно заниматься? – удивился Бик-Шмак. – Сижу с утра до вечера, ни выходных, ни отпуска... Ты же знаешь, нам не положено.

– А я картины начал писать, – неожиданно признался Карт-Фрай. – Скоро выставка будет. В Национальной Галерее.

– Это – оттуда? – Бик-Шмак указал пальцем на купюру.

– Нет, – покачал головой Карт-Фрай. – Выставка бесплатная.

– А я думал, ты начал подрабатывать...

– Чисто случайно начал рисовать, – признался Карт-Фрай. – Кто-то выбросил мольберт и краски. Я нашёл и взял себе. Попробовал – получилось.

– Молодец...

Они помолчали.

– Ну, я пойду, – словно извиняясь, произнёс Карт-Фрай.

– Иди... Удачи тебе... на выставке.

– И тебе – в осуществлении мечты.

– Спасибо.

Бик-Шмак провожал взглядом Карт-Фрая, пока тот не скрылся из виду.

А когда вновь посмотрел на мисочку, в неё планировала вторая купюра, крупнее первой.

Бик-Шмак поднял глаза и обнаружил источник купюры: Барг-Чизгена. Тот широко улыбался.

– Да вы сговорились, что ли! – вырвалось у Бик-Шмака.

– Ты разве не рад? – спросил Барг-Чизген, продолжая улыбаться.

– Рад, конечно, рад! Только что поговорили с Карт-Фраем. У него всё хорошо, он старший дворник. А у тебя как дела? Всё точишь?

– Точу. Но не только. Я... песни начал писать.

– Песни?

– Да. Шум станка однообразен, хочется чего-то нового. И, когда иду с работы, прислушиваюсь к шуму ветра, шелесту деревьев, пению птиц, стуку шагов, шуршанию шин... И песни слагаются сами собой. Их уже многие поют. Ты разве не слышал?

И он насвистел простенький мотивчик, который, случалось, доносился из окон проезжающих автомобилей или который намычивали прохожие, опускающие монеты в миску Бик-Шмака.

– Это – оттуда? – Бик-Шмак указал на купюру. Две смотрелись в миске намного солиднее одной.

– Нет. За песни пока ничего не платят. Может быть, потом...

– Понятно...

– А ты всё копишь?

– Как видишь. Спасибо тебе. Теперь накоплю быстрее. А потом как-нибудь встретимся, посидим...

– Ну да! Потом у тебя будет другая компания...

– Что ты! Разве я забуду старых друзей!

– Ну, смотри! Ты пообещал!

Барг-Чизген ушёл.

А в миску Бик-Шмака опускалась третья купюра.

– Ба! Да это ты! – чуть не заорал он. Не на купюру, конечно, на Чик-Спрайя.

Чик-Спрай задержался в нищих, наверное, дольше всех из четвёрки. Он хотел стать шофёром-дальнобойщиком, а приличный тягач и хорошая фура стоят довольно дорого. Конечно, меньше, чем пост генерального директора крупнейшей корпорации, но всё-таки...

К тому же Чик-Спрай хотел возить мороженое и охлаждённые напитки в южные районы, чтобы повидать море, а рефрижератор стоил ещё дороже, чем обычная фура.

– Как дела? – с подозрением спросил Бик-Шмак. – Ты, случайно, романы писать не начал?

– С чего ты взял? – удивился Чик-Спрай. – Шоферу, как прежде.

– Да тут сегодня ко мне подходили Карт-Фрай и Барг-Чизген, – важно протянул Бик-Шмак, – так один картины рисует, а другой песни сочиняет. Вот я и подумал: может, ты детективы писать начал?

– Нет, некогда, – отмахнулся Чик-Спрай. – Целыми днями за баранкой, до писанины ли тут? Песни Барг-Чизгена по радио слышал, знаю. А что Карт-Фрай художником заделался, впервые слышу.

– Сказал, выставка будет в Национальной Галерее.

– Молодец! Надо будет сходить, посмотреть.

– А ты точно ничем не занимаешься? – подозрительно спросил Бик-Шмак.

– Точно, – улыбнулся Чик-Спрай. – Я... города собираю.

– Го-ро-да? – протянул Бик-Шмак.

– Ну да. Я же дальнотойщик. Езжу, смотрю, запоминаю, фотографирую. Города, пейзажи, растения. Увижу что-нибудь интересное – остановлюсь, сфотографирую. А потом размещаю в Интернете.

– А в море искупаться удалось? – вспомнил Бик-Шмак.

– Всего один раз, – с сожалением вздохнул Чик-Спрай. – Пока разгружали рефрижератор. Но ничего, скоро опять на юг поеду, может, ещё разок окунусь.

– Удачи!

– И тебе тоже

Когда Чик-Спрай ушёл, Бик-Шмак задумался: всем удалось осуществить свою мечту. Да ещё и попутные занятия появляются. А чем бы ему заняться, когда осуществится мечта? Бабочек коллекционировать? Или старинные картины? А может, к тому времени и Карт-Фрай в моду войдёт...

Додумать Бик-Шмак не успел: возле него остановился роскошный автомобиль.

Бик-Шмак улыбнулся: сегодня удачный день. Если владелец автомобиля даст хотя бы одну сотую от его стоимости, а такие случаи бывали, мечта Бик-Шмака приблизится ещё на пару дней.

Человек вышел из автомобиля и приблизился. Бик-Шмак, улыбаясь, поднял мисочку и протянул навстречу. Пусть посмотрит, что перед ним не простой нищий, а успешный!

Вон сколько ему сегодня подали! Такой человек, несомненно, достоин того, что написано на тарелочке!

Человек наклонился и посмотрел Бик-Шмаку в лицо. Губы его искривились в странной улыбке.

– Так это ты намереваешься занять моё место? – спросил он. – Ну, ты и наглец! Не бывать этому!

И, не успел Бик-Шмак опомниться, как нынешний генеральный директор крупнейшей корпорации схватил тарелочку с сегодняшним подаянием и высыпал себе в карман.

Теперь ты знаешь всё

– Я уйду, – сказал он. Я не понял:

– Куда?

Но, взглянув на него, замер. Его лицо выражало полную сосредоточенность и отрешённость. Такие лица уже не принадлежат нашему миру.

– Когда? – прошептал я.

Мы были с ним неразлучны не то, что с детского сада – с рождения: мы появились на свет в одном и том же роддоме. Только я на два дня раньше. И поэтому он иногда в шутку называл меня «стариком». А потом – один детский сад, одна школа, один университет. Вот только факультеты разные: он поступил на мехмат, я на психологический. Именно из-за того, что хотел изучить данную проблему. А оказалось, он прикоснулся к ней первым. Теперь он опередил меня. На два дня?

– Когда? – переспросил он. Немного помолчал и ответил: – Послезавтра.

– Так скоро! – вырвалось у меня.

Он пожал плечами:

– Ты же знаешь, от меня это не зависит.

Я знал. Теперь это знают все. Но понимают ли? Хотя бы в меру своего разума. И принимают ли?

Нет, примириться с этим невозможно. А противиться нельзя. Да, собственно, и раньше никто не мог этому противиться. Просто раньше не знали. А теперь знают.

Жёсткий детерминизм развития привёл человечество к тому, что ему пришлось контролировать всё: течение рек и силу ветра, рост растений и таяние ледников, движение астероидов и вспышки Сверхновых, рождение и смерть...

Впрочем, насчёт последнего можно поспорить. Была ли альтернатива, или не было никогда? «Многие знания – многие печали». Пока человек не знал о жёстких рамках собственной жизни, ему казалось, что он обладает свободой воли. И, может быть, поначалу так и было. Но полная свобода ведёт к хаосу. А хаоса люди допустить не могут, раз уж взяли на себя большинство функций природы. Теперь приходилось брать последние...

Собственно, раньше было почти то же самое. Казалось, никто не мешал человеку сделать выбор: иди на перекрестке направо или налево, делать покупки или копить деньги, иди работать или жить на пособие. Но по мере того, как разрасталась сфера накопленных людьми знаний, выходило, что каждый шаг человека строго предопределён и логически обоснован. Вот только логика оказалась не вполне человеческой.

Ну что же, и это было в истории: так велят боги – самая краткая и ёмкая, всё оправдывающая формула. Вот они, наконец, и появились...

Не боги, конечно – существа иных измерений. И, что самое обидное, хотя слово «обидное» здесь не вполне уместно, но пусть остаётся. Так вот, самое обидное то, что они – это мы. Вернее, мы станем ими. После физической смерти на Земле.

– Тебе ведь всего девятнадцать! – снова не выдержал я.

Он улыбнулся:

– Да, как и тебе.

– Мы столько намеревались сделать! – не унимался я. – Строили такие планы!

– Они будут осуществлены, – кивнул он. – Но не здесь, не на Земле. Открытие, которое я сделаю, слишком опережает своё время.

– Это они сказали тебе? – я мог бы и не спрашивать. А кто же ещё?

Кто ещё? Больше никому... Обычно так и происходит: к человеку, которому настало время уйти, являются... Ангелы Смерти – как называют одни. Или Вестники Богов – по мне-

нию других. Всё зависит от точки зрения. Они-то и рассказывают человеку, когда и как ему предстоит умереть. А также и то, что его ждёт в последующей жизни. Обычно там намного лучше, чем здесь, поэтому мало кто огорчается.

Вековая мечта человечества о бессмертии наконец-то подтвердилась. Учёным удалось установить прямой контакт с так называемым «потусторонним миром». Но это произошло лишь потому, что «потусторонний мир» захотел сам открыться.

Смириться с этим было нельзя. Но приходилось.

– Так рано! – повторил я.

– Я нужен там.

– Я понимаю, – я понурил голову. Остаться одному, без друга, в самом начале жизни.

Погоди, а может быть...

Я поднял голову.

– А... насчёт меня ты не спрашивал? Может, мы скоро встретимся с тобой... там?

Он покачал головой:

– Ты знаешь, они об этом не говорят...

– Но ты знаешь! – настаивал я. – Я понял по твоим глазам! Они не могли тебе не сказать!

Ты... попросил их?

Он сдался. Да, ему хорошо пошли навстречу. Обычно исключений не делают.

– Ты проживёшь долгую жизнь и умрёшь в своей постели, окружённый внуками и правнуками. Ты ведь всегда этого хотел.

– Хотел... – пробормотал я. – Это была шутка, обычный треп...

– Женишься на Светке, – продолжал он.

Я прикусил губу. Светка мне очень нравилась. И ему тоже. Мы часто гуляли втроём, но она, кажется, больше склонялась к его кандидатуре.

– Береги её, – сказал он.

– Что-нибудь случится? – вскинулся я. – С ней?

Он покачал головой:

– Это я так... в общем... Как говорится, вы с ней умрёте в один день.

Я попытался справиться со шквалом нахлынувших мыслей. Срочно надо что-то сказать...

– Не думаешь же ты, что они сделали так специально? Но, кажется, никакие просьбы на них не влияют...

Он кивнул:

– Они тут ни при чём. Они просто больше знают. А так – они почти такие же люди, как и мы.

– Да знаю я... И сколько лет мне осталось?

– Я не должен этого говорить, – поморщился он. – Тебе всё расскажут... в своё время.

– Скажи! – потребовал я. – Ты мне друг или кто?

Он назвал число. Я присвистнул:

– Ого! И ты будешь меня ждать столько времени?

Он снова покачал головой:

– Дело в том, что я и в том мире долго не задержусь, меня переправят дальше.

– Цепочка миров... – пробормотал я.

– Да, цепочка миров. Но... там мне будет проще: я умру при рождении.

– Ох, ты! – вырвалось у меня. Я вспомнил когда-то прочитанную фразу: «сверхгении умирают во младенчестве». А он – сверхгений для следующего мира. Почему же он тогда родился в нашем?

– Наш мир тоже нужен, – сказал он, словно услышав мои мысли. А может, так оно и было? – В нём человек приобретает те качества, которые не может приобрести в других. Так было нужно: чтобы мы с тобой прожили девятнадцать лет вместе.

Чего-то он всё же недоговаривал.

– А кем я стану? – потребовал я.

Он покачал головой:

– А вот этого я тебе сказать не могу, извини.

– Понятно, – пробормотал я, и вдруг спросил: – А как ты умрёшь у нас?

– Я утону, – ответил он.

– Но ты ведь великолепно плаваешь!

– Сердце, – пояснил он. – Буду лежать на пляже, разогреюсь. Потом брошусь в холодную воду – и всё. Остановка сердца.

– А может... останешься? – робко спросил я.

Он невесело усмехнулся:

– Нет, так надо. Для Мира.

Он смотрел на меня, а видел что-то другое. Потом поднялся:

– У меня самолёт через два часа. Ещё успею искупаться сегодня. И завтра – целый день в море!

– Я провожу тебя! – сорвался я с места.

– Не надо. Меня брат отвезёт на мотоцикле.

Он ушёл, а я остался. Ни о чём не хотелось думать. В душе царила пустота.

Всё знать... так ли это хорошо? – спрашивал я сам себя. Ты поступил в университет, чтобы разобраться с проблемой перехода из одного мира в другой. Почему, даже зная о предстоящей лучшей жизни в ином мире, люди всё равно плачут при смерти близких? От того, что – да, там будет хорошо, но они-то остаются здесь?

И вот теперь я столкнулся с этой проблемой лично. Смогу ли я удержаться от слёз? Ведь теперь как будто я всё знаю...

И собственное будущее... Люди всегда стремились узнать, что им предстоит пережить. Теперь ты знаешь всё. И что: тебе от этого легче?

...На его похоронах я плакал...

Тут ничего нет

Под поверхностью желтоватой воды светился большой воздушный пузырь.

– Ну и что? – спросил Николай.

– Как что? – не понял Вовка. – Он же стоит на месте! Так не бывает!

Николай почесал затылок:

– А если это дом паука-серебрянки?

– Ты что! – возмутился Вовка. – Такой большой? Он же больше метра диаметром! Вот это паучище! Таких не бывает!

– Ладно, – пробурчал Николай. К горячности младшего брата он привык, и остудить не пытался. – Сейчас посмотрим.

Он вытащил весло из уключины и осторожно подвёл лопасть к пузырю, опасаясь, что тот сейчас лопнет, и брызги полетят в лицо. Николай даже прикрыл лицо плечом.

Но пузырь не лопнул. Охотно пропустил весло внутрь себя, и так же легко выпустил обратно. Волны на поверхности воды создали иллюзию, будто пузырь заколыхался.

– Да не так! – недовольно скривился Вовка. – Сбоку! Не бойсь, не лопнет, я пробовал. Сверху ничего не увидишь. Сбоку давай!

– Ага, сбоку! – отозвался Николай. – Весло, ить, тяжёлое!

Но всё же перехватил весло поудобнее, заглубил на вытянутых руках и снова ткнул лопастью в пузырь. Тот снова не шелохнулся.

Но что это? Едва конец лопасти исчез с одной стороны пузыря, как тотчас появился с другой.

– Ух, ты! – не выдержал Николай. – Что за чертовщина?

– Во! – завопил Вовка. – А я что говорил? И у меня точно так было!

Он опустил руку с борта лодки и ухватился за вышедшую из пузыря лопасть. Николай почувствовал сопротивление.

– Бросай, я тяну! – в азарте выкрикнул Вовка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.